

УДК 159.9:32

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z

Марин Е.Б., канд. ист. наук, доцент,

Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского,
Дальневосточный федеральный университет

Борисюк Г.А., студент,

Дальневосточный федеральный университет,
Россия, Владивосток

E-mail: borisyuk.ga@dvfu.ru

Аннотация. В работе анализируются психологические механизмы протестной активности поколения Z с учётом цифровой трансформации. На основе синтеза теорий поколений, моделей протеста (относительная депривация, SIMCA, теория межгрупповых эмоций) и исследований цифровой коммуникации выделены ценностные и когнитивные особенности «цифровых аборигенов». Показано, что соцсети трансформируют механизмы эмоционального заражения, идентификации и координации, порождая «логику коннективного действия» и эффект эхо-камер. На основе эмпирических данных по российской молодёжи (Дальний Восток, Москва) описываются два сценария протеста – мирный и радикальный – и условия перехода между ними. Новизна – в интеграции подходов применительно к российскому контексту. Статья обобщает информацию по теме и намечает перспективы эмпирических исследований.

Ключевые слова: поколение Z, протестная активность, социальная идентичность, межгрупповые эмоции, цифровая среда, коннективное действие, эхо-камеры, относительная депривация.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PROTEST ACTIVITY OF
GENERATION Z

Scientific supervisor: **Marin E.B.**, Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor,

Maritime State University named after Adm. G.I. Nevelskoy, Far Eastern Federal
University,

Borisyuk G.A., student,

Far Eastern Federal University,

E-mail: borisyuk.ga@dvfu.ru

Russia, Vladivostok

Abstract. The paper analyzes psychological mechanisms of Generation Z protest activity in the context of digital transformation. Synthesizing generation theories, protest models (relative deprivation, SIMCA, intergroup emotions) and digital communication studies, it identifies value and cognitive traits of «digital natives». Social networks are shown to transform emotional contagion, identification and coordination, generating «connective action logic» and echo-chamber effects. Drawing on empirical data from Russian youth (Far East, Moscow), two protest scenarios – peaceful and radical – and transition conditions are described. The novelty is the integration of approaches in the Russian context. The article summarizes existing knowledge and outlines directions for empirical research.

Keywords: Generation Z, protest activity, social identity, intergroup emotions, digital environment, connective action, echo chambers, relative deprivation.

Введение

Феномен последних даже не десятилетий, а лет – протест в мире резко молодеет. Трансформируются формы протеста, на смену жестким организациям, известным из учебников истории и политологии, приходят флешмобы и цифровые формы организации. Лидера постреволюционного Непала избирает ИИ. Поколение Z становится активным субъектом протестной политики. Классические модели протеста, разработанные для офлайн-среды,

не учитывают трансформацию механизмов эмоционального заражения, идентичности и координации под влиянием соцсетей. Цифровая среда меняет мобилизацию: иерархические структуры уступают место горизонтальным сетям, рациональная аргументация – эмоциональному контенту. Цель статьи – интегрировать теоретический материал по психологическим характеристикам поколения Z и эмпирические данные по протестной активности российской молодёжи Z. Работа носит обзорный характер.

Теоретические основания анализа протестной активности поколения Z

Согласно теории поколений (У. Штраус, Н. Хау), смена поколений циклическая. Поколение Z – «художники» (зимний сезон) – адаптивны, конформны, но отлично ориентируются в виртуальной среде [1]. В российской версии В.В. Радаева поколение Z относится к группе «3С» (смартфоны, соцсети, спад экономики) [2].

Для объяснения протеста используются модели: относительная депривация (Т.Р. Гарр) – протест как разрыв между ожиданиями (свобода, справедливость) и возможностями [3]; SIMCA (М. ван Зомерен) – коллективное действие через идентичность, гнев и эффективность [4]; теория межгрупповых эмоций (Д. Смит, Д. Маки) – гнев ведёт к нормативному протесту, презрение и отвращение – к радикальному [5]. Классические механизмы заражения (Г. Лебон, З. Фрейд) в цифровой среде трансформируются [6, 7].

Психологический портрет поколения Z как субъекта протеста

Поколение Z – «цифровые аборигены» (М. Пренски) с гипертекстовым мышлением, многозадачностью, визуальным восприятием [8]. Российские исследования фиксируют: агенты социализации – сверстники (83%) и блогеры (25%) [9]. Возникают реверсивное наставничество и платформенная сегрегация (уход в Telegram, TikTok), делающие политическую коммуникацию невидимой для контроля [9]. Соцсети для подростков – среда свободы самовыражения и анонимности [10]. Ценностный профиль российской

молодежи, определяющий отношение к протесту в том числе [11], – значимость «интеллектуальности», честности, процедурной справедливости. Радикальные формы воспринимаются как агрессивные, но не чуждые [11]. Уровень протестной готовности дальневосточной молодёжи выше московской [12].

Трансформация механизмов протеста в цифровой среде

Социальные сети коренным образом изменяют протестную мобилизацию.

1. Аффективное заражение становится виральным. Интернет-мемы формируют образ врага и коллективную идентичность (например, «собака в капюшоне» в Telegram). Механизм морального шока (Дж. Джаспер) эффективно распространяется через виральные мемы [16, 17].
2. Логика коннективного действия (У. Беннетт, А. Сегерберг) заменяет иерархические организации персонализированными фреймами («мы – 99%») и координацией через хештеги и мессенджеры. Сеть сама становится организацией [18]. Пример – движение «Школа у метро» в Москве (2019).
3. Эффект эхо-камер и поляризация. Алгоритмы подбирают контент по предпочтениям, изолируя от альтернатив, что усиливает радикализацию и порождает «войну нарративов» [16]. Дискуссии вокруг пенсионной реформы (2018) демонстрировали поляризованные нарративы в разных сегментах соцсетей.

Обобщение эмпирических данных и сценарии протестной активности

Исследования на выборках Дальнего Востока и Москвы выделяют два типа протеста – «культуру петиций» (мирный) и «культуру бунта» (радикальный) [14, 15]. Переход между ними определяется процедурной справедливостью: при нарушении, но наличии каналов – мирный сценарий (гнев + эффективность); при блокировке каналов – радикальный (отвращение + фрустрация). Цифровая среда модернизирует оба сценария, ускоряя координацию, но усиливая радикализацию через эхо-камеры. Модель локальна и не претендует на универсальность.

Перспективы эмпирических исследований включают изучение влияния

мемов и вирусного контента на протестные установки; сравнительный анализ мобилизации через разные платформы; динамику перехода между типами протеста у дальневосточной молодёжи.

Заключение

1. Поколение Z – «цифровые аборигены» с гипертекстовым мышлением, ценностью свободы и горизонтальных связей.
2. Классические модели протеста требуют учёта цифровой трансформации – заражение, идентификация и координация идут через виральный контент и слабые связи.
3. На эмпирике, полученной в последние годы (ДВ, Москва, 2020 и 2024 гг.) описаны два сценария – мирный и радикальный. Переход зависит от процедурной справедливости, эмоций и веры в эффективность. Модель не универсальна.
4. Цифровая среда ускоряет координацию, но через эхо-камеры способствует радикализации.

Список литературы

1. Strauss W., Howe N. Generations. – New York, 1991.
2. Радаев В.В. Миллениалы. – М.: ВШЭ, 2019.
3. Новикова В.С. // Вестник Майкопского университета. – 2024. – №4.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.
5. Марин Е.Б. // Вестник ВСОА. – 2022. – №42.
6. van Stekelenburg J., Klandermans B. // Current Sociology. – 2013. – Vol.61.
7. Smith E.R., Mackie D.M. // Handbook of emotions. – 2008.
8. Марин Е.Б. // Вестник РФФИ. – 2021. – №5.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995.
10. Фрейд З. Психология масс. – М., 2016.
11. Prensky M. // On the Horizon. – 2001. – Vol.9.
12. Глухов А.П., Стаховская Ю.М. // Вестник ТГУ. – 2021. – №59.
13. Собкин В.С., Федотова А.В. // Консультативная психология. – 2019. – Т.27.

– №3.

14. Марин Е.Б. // Вестник Института социологии. – 2022. – Т.13. – №1.

15. Марин Е.Б., Осмачко Н.В. // Социально-политические науки. – 2020. – Т.10.

– №5.

16. Шомова С.А. // Мониторинг общественного мнения. – 2019. – №5.

17. Jasper J.M. // Collective Emotions. – Oxford, 2014.

18. Lance Bennett W., Segerberg A. // Information, Communication & Society. – 2012.

19. Марин Е.Б. // Вестник Института социологии. – 2024. – Т.15. – №4.